

ОТ РЕДАКЦИИ

В шестнадцатом томе серии «Достоевский. Материалы и исследования» публикуются статьи российских и зарубежных достоевистов, широко и многообразно характеризующие творчество Достоевского 1840-х—начала 1880-х годов, в том числе в его связях с русской культурой XI—начала XX в.

Сборник состоит из традиционных (хотя и варьируемых) разделов: «Публикация текстов», «Статьи», «Материалы и сообщения», «Из литературного наследия», «Эпистолярные материалы».

Посвящается двойному юбилею Достоевского: 180-летию со дня рождения и 120-летию со дня смерти писателя.

Ссылки на произведения и письма Достоевского даются по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 1—30 (арабскими цифрами указываются том и страницы).

Редакционно-техническая подготовка тома к печати осуществлена С. А. Ипатовой.

Ответственные редакторы: *Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович*

Редколлегия: *Н. Ф. Буданова, Г. Я. Галаган, В. А. Котельников, Н. Н. Скатов, В. А. Туниманов, И. Д. Якубович*

Рецензенты: *О. В. Евдокимова, Е. И. Кийко*

Серия основана в 1974 г.

*Исследовательская работа проведена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-04-00084а*

СТАТЬИ

К. Г. ИСУПОВ

ЧИТАТЕЛЬ И АВТОР
В ТЕКСТАХ ДОСТОЕВСКОГО

Введение в проблему

История читателя, которым призвана заниматься так называемая функциональная поэтика, на русском материале прописывается обычно эмпирически: читатель берется в аспекте временной дистанции и в том масштабе отношений к тексту, внутри которого Макар Девушкин, читающий «Станционного смотрителя» и «Шинель», неуловимо совпадает с горьковской Настей из пьесы «На дне». Куда труднее определить в вопросе: что происходит внутри читательского *сogito*, как обновляются личностные структуры общения в тексте и соответственно каковы результаты проективного опыта чтения, неизменно меняющие картину мира? Иначе: если у Достоевского был «свой» читатель, то как он из «чужого» стал «своим»?

Молодой Достоевский видел в перспективе своего пути читателя сентименталистской прозы. Автор разбойных лекций о русской классике В. В. Набоков был недалек от истины, говоря, что «именно сентиментализм положил начало той самой коллизии, которая столь мила его (Достоевского. — К. И.) сердцу: поставить людей в униженное положение и извлечь из этого механизм сострадания».¹ И. С. Тургенев, дразнивший автора словечком «маточка», успел к этому времени забыть, что и он начинался как писатель в зоне сентименталистских читательских ожиданий. Однако уже сле-

¹ *Набоков В. В.* Федор Достоевский // Русские эмигранты о Достоевском / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб., 1994. С. 379. Набоков-художник, отринувший опыт классического реализма, оказался как критик жертвой того факта, что как раз на классике и был воспитан: ситуация, хорошо описанная Г. Мейером в книге 1966 г.: «Читатели XX века, развращенные реалистическим искусством, должны были перестроиться на иной лад, чтобы идти вслед за Шекспиром, Сервантесом, Бальзаком, Гоголем, Достоевским, вслед за российской поэзией, от Державина до наших дней» (*Мейер Г.* Свет в ночи: (О «Преступлении и наказании»): Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне, 1967. С. 208).